

ВЕЛИКАЯ МИЛОСТЬ

После череды трагических событий дворец погрузился в тишину. Вслед за смертью императора и случившимся с тетей отца охватила безграничная скорбь — вся его злоба на тетю развеялась как дым. Пережив столько потрясений, отец утратил пылкое стремление к власти, как и неприязнь к Сяо Ци. В неустанной борьбе мы потеряли слишком много родных и совершенно выбились из сил. Мы просто не могли продолжать враждовать.

В конце концов, кровь гуще воды — мы крепко связаны с близкими людьми, и какое бы огромное расстояние между нами ни было, рано или поздно оно неизбежно сократится.

Вот только прекрасные былые времена уже безвозвратно ушли, и между светлыми воспоминаниями и мной навеки пролегла бездонная пропасть. Отец больше не оберегал свою некогда любимую дочь, не прятал от бед под своим крылом, не баловал, как раньше. Теперь в его глазах я — жена вана, женщина Сяо Ци, которая вместе с императрицей-бабушкой развешивает занавесы и ведаёт императорскими покоями.

Я не успела и глазом моргнуть, как передо мной уже стоял не тот влиятельный мужчина, которого я знала, а дряхлый старик. Он по-прежнему отличался спокойствием, а когда говорил — смеялся, однако лицо его больше не сияло от счастья, а от прежней надменности не осталось и следа. Каким бы сильным и непреклонным ни был человек — возраст берет свое, и каждый со временем превращается в дряхлого и уступчивого. Когда все отвернулись от отца и он лишился

всякой поддержки, я одна была рядом. Я должна была защищать нашу семью. Наш род.

Некогда тетя говорила мне, что священный долг мужчины — исследовать и осваивать, а женщины — покровительствовать и защищать. В каждой семье есть женщины, призвание которых — из поколения в поколение оберегать близких... Не знаю почему — быть может, по велению судьбы — мы обменялись ролями с отцовским поколением. Отец, мать и тетя мало-помалу старели, и о них нужно было заботиться, как некогда они заботились обо мне, пока я росла. С годами новым покровителем нашей семьи стала я.

В последнее время отец стал часто рассказывать о родных краях и своем шуфу¹. После смерти шуфу шэньму² забрала двух его дочерей и вместе с ними сопровождала гроб с покойником в родные земли. В столицу они так и не вернулись. Отец много лет назад покинул родные края — Ланью — и ныне очень тосковал по дому. Он всегда мечтал о том, что когда-нибудь настанет прекрасный день и он, оставив все свои дела, облачится в накидку из травы и в сандалии на деревянной подошве и отправится на все четыре стороны, чтобы насладиться красотой рек и гор. Я понимала чувства отца, всю жизнь он терпел превратности чиновничьей жизни, а сейчас совсем раскис. Именно поэтому он больше всего хотел бы стать затворником, отказавшись от служебной карьеры, и наслаждаться свободной жизнью на лоне природы. Большая беда в том, что матушка никогда не простит отца и не покинет Цыань-сы³.

¹ Шуфу — младший брат отца. Можно перевести как «дядя» или «дядюшка». — Здесь и далее, если не указано иное, — примечание переводчика.

² Шэньму — жена младшего брата отца.

³ Цыань-сы — буддийский монастырь.

Отец больше ничего не требовал от матери. В последний раз он отправился навестить ее вместе со мной. Он долго молча глядел ей в спину, а затем, вздохнув, сказал:

— Каждый человек имеет право принять прибежище¹ и вверить себя благостям Будды. Если судьбы разошлись, не нужно сожалеть.

Тогда его слова показались мне немного странными. Раньше отец говорил, что А-У всегда понимала его чувства, что мысли отца и дочери сходятся. Но в тот момент, когда он произнес эти слова, я еще не поняла, насколько твердо его решение уйти и как быстро он его принял.

Спустя несколько дней отец вдруг сложил с себя служебные обязанности и, ни с кем не попрощавшись, лишь оставив прощальное письмо, уехал. Он взял с собой только пару старых слуг и несколько книг. Узнав об этом, мы вместе со старшим братом помчались верхом на лошадях в столичные пригороды, пересекли несколько десятков ли² до самой переправы. С берега мы увидели паруса одинокой лодки, постепенно скрывающейся в дымке водяных облаков... Вот так отец избрал одиночество и уехал, оставив позади себя пыль мирской суеты. Прожить жизнь во дворце — престижно, но оставить все и скрыться на лоне природы — это был шаг навстречу свободе и счастью. В тот день я по-настоящему восхитилась своим отцом.

Узнав, что отец ушел в отставку и покинул город, мама не проронила ни звука. Лишь опустила глаза, перебирая четки. Однако на следующий день тетя Сюй сказала, что всю ночь матушка не спала и читала священные тексты.

Вскоре случилось долгожданное радостное событие — Хуайэнь и Юйсю наконец сыграли свадьбу. Невзирая на то

¹ Принять прибежище в Трех Драгоценностях — Буддах, Дхарме и Сангхе. Это основа всех буддийских учений.

² Один ли — около 0,5 км.

что они не были моими кровными родственниками, я бесконечно радовалась за них, как за родных. Вслед за тем наложница старшего брата родила мальчика, который стал его третьим ребенком. Радостные вести разбавили печаль, день за днем непогода в столице утихала, постепенно возвращались былые пышность и праздность.

Пролетали дни. Маленький император уже лепетал и учился говорить. Но, к сожалению, родился он слабым телом и до сих пор не научился ходить. Каждый раз, когда он невнятно называл меня «гугу³», я глядела на его невинную улыбку и сердце щемило в груди.

В один из солнечных дней Сяо Ци вернулся домой, скинул парадную одежду и накинул на плечи протянутый ему служанкой халат. Он выглядел уставшим. Я развернулась к столу, чтобы налить ему чая, но Сяо Ци взял меня за руку, притянул к себе и усадил на колени, нежно прижав к груди.

От его обеспокоенного выражения лица мне стало не по себе. Доверчиво прижавшись к нему, я тихо спросила:

— Что-то случилось?

— Все в порядке. Посиди со мной немного.

Прикрыв глаза, он мягко прижался подбородком к моему лбу. Вслушиваясь в его дыхание, я почувствовала, как он тихо вздохнул, удовлетворенно и в то же время устало. Сердце сжалось от волнения. Нежно обняв его за талию, я тихо сказала:

— Ты так обеспокоен наводнением в Цзяннани?

Сяо Ци кивнул. Слабая улыбка исчезла с его лица. Глубоко вздохнув, он ответил:

— Политическое положение укрепилось, но мятежные войска надежно обосновались в Цзяннани. Им сейчас будет

³ Гугу — тетя по отцу.

непросто пересечь реку. Из-за наводнений простые люди лишились крова и вынуждены бедствовать, а полный чиновниками двор не в состоянии взять на себя ответственность за их жизни!

Стало тяжело на душе. Я не нашла, что ответить. В этом году с начала весны в течении рек происходили необычные изменения. Чиновники уже несколько раз докладывали, что к началу лета возможны сильные наводнения и что императорскому двору должно принять меры. Однако придворные чины поголовно перепугались этих новостей, и никто не осмелился взять на себя столь большую ответственность. Их малодушие злило Сяо Ци.

Призадумавшись, я вспомнила о своем шуфу — будь он жив, он бы знал, как справиться с бедствием в Цзяннани. Но сейчас его не было с нами, некому было взять на себя такое сложное дело.

Сяо Ци вздохнул и равнодушно сказал:

— Есть один человек на примете, но я не знаю, есть ли у него такие амбиции.

Я ошеломленно посмотрела на Сяо Ци — в голове моей вспыхнула догадка.

— Ты говоришь о моем... гэгэ¹?

В молодости старший брат регулярно следовал за эр-шу² с инспекторским осмотром, дабы оценить масштабы катастрофы. Он собственными глазами видел, как люди с двух берегов из года в год вынуждены были бросать свои дома из-за разлива реки. Вернувшись в столицу, он перечитал несчитанное количество древних книг и исторических документов, чтобы изучить природу водных стихий. Он лично объездил

¹ Гэгэ — обращение к старшему брату или к мужчине, старшему по возрасту, но одного поколения.

² Эр-шу — второй младший сын дедушки по линии отца.

все крупные реки Поднебесной, изучил нравы и жизнь местных народностей и написал трактат на несколько десятков тысяч иероглифов, дав ему название «Как обуздать воды потопа». Затем он преподнес свой труд императору. Однако отец всегда считал моего брата бездельником и никогда не принимал всерьез его исследования и работу над рукописью.

Когда река прорвала плотину, погибло много людей. Вода разрушила тысячи домов. И большинство чиновников понизили в должности или сместили за то, что они не смогли обуздать стихию. С тех пор придворные чины боялись заниматься укреплением берегов реки. В том году мой старший брат тайком от отца предложил себя на эту должность, но отец обо всем узнал и не только запретил ему этим заниматься, но еще и сделал строгий выговор. Отец сказал, что это очень ответственная должность, нужно отвечать не только за материальные условия, но и за человеческие жизни, что все это не шутка. В дальнейшем об этом распозлись слухи: при дворе и в народе идеи моего брата стали темой для шуток, никто не верил, что этот ветреный и красивый молодой человек был способен справиться со столь грубой и невероятно ответственной работой. После такого брат отказался от своей идеи, увлекся стихами и вином и больше не вспоминал о реках и потопах.

Я и подумать не могла, что Сяо Ци вспомнит о брате. Я удивилась, и из-за смешанных чувств в голове проносились тысячи мыслей. Сяо Ци загадочно посмотрел на меня и улыбнулся.

— Это очень серьезное дело. Если ты пригласишь моего брата на эту должность, не побоишься ли осуждений со стороны двора? — неуверенно спросила я. На языке вертелся еще один вопрос, но я не осмелилась задать его вслух.

Если брат не справится, критике подвергнется не только Сяо Ци — репутация рода Ван будет серьезно подорвана.

Сяо Ци спокойно улыбнулся и сказал:

— Даже если я не смогу избежать осуждения, я все равно хочу воспользоваться этой возможностью.

— Но почему именно мой брат? — Я нахмурилась и не сводила с Сяо Ци взгляда.

— Ван Су талантлив и умен. Я верю, что он справится с этой работой, но не знаю, заинтересуется ли он... — Сяо Ци опустил взгляд и вздохнул. — Уже очень долго члены влиятельных домов испытывают ко мне неприязнь и не доверяют мне. Если Ван Су оправдает надежды, то влиятельные дома увидят, что у меня нет предубеждений против их детей.

Я помолчала и вздохнула.

— Такова человеческая природа. Боюсь, что судьба рода Се многих напугала. Если они не могут защитить себя, ради чего им двигаться вперед?

Сяо Ци нахмурился.

— Век сейчас беспокойный. Разве можно подчинить младших членов знатных домов без железа и крови?

— Убийство ради прекращения убийств — не самая лучшая политика, особенно в сложившихся обстоятельствах. Но если требуется чья-то жертва ради того, чтобы остановить воцарившийся хаос, — оно того стоит. — Внимательно посмотрев на Сяо Ци, я накрыла его руку своей и тихо добавила: — Глубоко в душе я понимаю, что ты прав...

Мои слова тронули Сяо Ци. Он со вздохом ответил:

— Ты понимаешь меня. И мне этого достаточно.

Я слегка улыбнулась. Да, я прекрасно понимала его чувства.

— Если мой гэгэ согласится принять пост главного чиновника по укреплению реки, ты в исключительном порядке официально назначишь его на должность. Тогда влиятельные дома увидят, что ты относишься ко всем одинаково любезно, и их опасения развеются. Верно?

— Верно! — Сяо Ци одобрительно улыбнулся.

— Вот только я не знаю, что об этом скажет мой гэгэ... — неуверенно продолжила я.

— Захочет он занять эту должность или нет — все зависит от умений ванфэй! — Сяо Ци вскинул брови и, улыбнувшись, встретился со мной взглядом.

Вдруг меня осенила мысль — мы столько обсуждали эту проблему, а я лишь сейчас поняла истинные намерения Сяо Ци... Этот несносный мужчина с самого начала хотел, чтобы именно я убедила своего брата!

На следующий день я, не привлекая лишнего внимания, отправилась в загородный дворец брата. Меня сопровождала лишь одна служанка.

Стоя у изысканных ворот, ведущих в восхитительные сады, подобные обителицу бессмертных, я не сдержалась от восторженного вздоха. У моего брата был чудесный вкус, и он прекрасно знал, как наслаждаться жизнью. Он собрал мастеров с удивительными способностями, чтобы в этом крохотном дворце всегда было комфортно — зимой тепло, а летом прохладно. Ничего не скажешь — мастерство человека превосходило творение природы. Не дойдя до главного внутреннего двора дома, я замерла, ветер донес до меня переливы музыки.

На берегу, у самой воды, буйно цвели розы. Слегка подвыпивший брат, прикрыв глаза, томно развалился на обитой парчой лежанке. Волосы были убраны под яшмовую заколку, из-под которой небрежно выбилось несколько прядок. На нем был халат белее снега. Чуть распахнутый ворот обнажал белую, как нефрит, шею. В этот момент даже сидящие рядом очаровательные девушки не могли сравниться с ним по красоте. Я медленно вошла в сад, но брат так и не открыл глаз.

Красавицы уже собрались было встать, чтобы приветствовать меня поклонами, но я жестом остановила их.

Старший брат чуть повернул голову и лениво, не открывая глаз, пробормотал:

— Бисэ, подай вино...

Я обмакнула пальцы в стоящую на столе винную чарку, подошла к брату и брызнула вином на его утонченное лицо. Брат вскрикнул и резко поднялся.

— Чжу Янь! Несносная девчонка!

Но увидев меня, он ошеломленно застыл.

— А-У! Это ты!

Красавицы поспешили к нему, чтобы побыстрее утереть стекающие по его лицу капельки вина, — слева и справа его красивого лица коснулись шелковые платки. Хихикнув, я мягко одернула его запутавшиеся белоснежные рукава, затем кончиком пальца смахнула последние капли вина и, подняв брови, со смехом сказала:

— Похоже, я пришла некстати?

Брат беспомощно вздохнул.

— Можешь быть со мной немного поласковее? В конце концов — ты же ванфэй, а до сих пор балуешься.

Я окинула взглядом двух красавиц — одна была в красном платье, вторая — в зеленом. Они обе были прекрасны. Брат потянулся к нефритовой чарке, снова откинулся на парчовую лежанку и покосился на меня.

— Ты пришла, чтобы любоваться красавицами, или решила прервать мой отдых своими капризами?

— Красавиц нужно восхвалять, а лодырями командовать.

Я быстро выхватила чарку из его рук.

— Если твоего отца здесь нет, даже не думай, что никто не будет командовать тобой.

Старший брат медленно развернулся ко мне и, напряженно улыбнувшись, сказал:

— Похоже, одна сварливая жена ошиблась дверью и зашла не в тот дом.